

АЛЕКСАНДР КИКЛЕВИЧ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

РОЛЬ СТЕРЕОТИПОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Г а м л е т : Да, конечно. Дания – тюрьма.

Р о з е н к р а н ц : Тогда весь мир – тюрьма.

Г а м л е т : И притом образцовая, со множеством арестантских, темниц и подземелий, из которых Дания – наихудшее.

Р о з е н к р а н ц : Мы не согласны, принц.

Г а м л е т : Значит, для вас она не тюрьма, ибо сами по себе вещи не бывают ни хорошими, ни дурными, а только в нашей оценке.

Вильям Шекспир, «Гамлет, принц датский»

1. Схемы действия, схемы интерпретации, паттерны

Хотя идея «социального конструктивизма» в теории массовой коммуникации распространилась в 80-е и 90-е годы прошлого столетия, особенно в немецкой социологии¹, о конструктивном характере психики писал уже Ж. Пиаже:

Объективное знание всегда подчинено определенным структурам действия. Эти структуры – результат конструкции: они не даны ни в объектах,

---

* Исправленный и расширенный вариант ранее опубликованной статьи: *Стереотипы в структуре межкультурной коммуникации*, [в:] *Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации*, под ред. В. Шайдурова, А. Киклевича, Санкт-Петербург – Олштын 2009, с. 100–117.

¹ W. I. Gamson, A. Modigliani, *Media discourse and public opinion on nuclear power: a constructivist approach*, „American Journal of Sociology” 1989, nr 95, с. 1–37; N. Lühmann, *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie*, Frankfurt 1984; M. Fleischer, *Obserwator trzeciego stopnia. O rozsądnym konstrukttywizmie*, Wrocław 2005; tegoż, *Allgemeine Kommunikationstheorie*, Oberhausen 2006; tegoż, *Język, znaki, kognicja*, [w:] *Język poza granicami języka. Teoria i metodologia współczesnych nauk o języku*, pod red. A. Kiklewicza, J. Dębowskiego, Olsztyn 2008, с. 77–100.

поскольку зависят от действий, ни в субъекте, поскольку субъект должен научиться координировать свои действия².

Для объяснения функционирования интеллекта Пиаже употреблял понятие схем действия (в современной лингвистике используется также термин *паттерны*³). Схемы действия возникают в результате обобщения практического опыта, т.е. многократного повторения участия субъекта в определенной ситуации, хотя содержательно независимы от контекста; например, как пишет Р. Дилтс, «есть люди, для которых привычным (независимо от ситуации. – А. К.) стал паттерн постоянного пренебрежения позитивной стороной своего опыта»⁴. Будучи сенсомоторным эквивалентом понятия, схемы действия, как указывает Л. Ф. Обухова, позволяют «экономно, адекватно действовать с различными объектами одного и того же класса или с различными состояниями одного и того же объекта»⁵.

Еще в 30-х годах Пиаже отметил, что любой поведенческий акт, даже новый для организма, не представляет собой абсолютную новизну. Он всегда основывается на предшествующих схемах действия. «Вначале был ответ!» – говорят в Женевской школе⁶.

Как подчеркивают исследователи массовой коммуникации, схемы действия – понимаемые также как схемы презентации или схемы интерпретации – являются важнейшим фактором обработки медиальной информации⁷. Так, согласно теории Д. Грабер, восприятие и понимание сообщений протекает в форме «подключения» новых данных к тематически упорядоченным схемам интерпретации. Если соответствующая схема не найдена, активизируется фонд ранее не интерпретированных данных, для которых подыскивается подходящая схема⁸. Исследователи массовой коммуникации подчеркивают, что общность схем интерпретации отправителя и получателя информации является важнейшим условием их эффективного взаимодействия, хотя в некоторых случаях наблюдается явление рефрейминга, т.е. реинтерпретации данных посредством актуализации альтернативной схемы: «С психологической точки зрения, произвести рефрейминг значит преобразовать смысл чего-либо, поместив

² Цит. по: Л. Ф. Обухова, *Концепция Жана Пиаже: за и против*. Москва 1981, с. 21.

³ Р. Дилтс, *Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП*, Санкт-Петербург – Москва – Харьков – Минск 2001, с. 22.

⁴ Ibidem.

⁵ Л. Ф. Обухова, *op. cit.*, с. 22.

⁶ Л. Ф. Обухова, *op. cit.*, п. 23.

⁷ D. McQuail, *Teoria komunikowania masowego*, Warszawa 2008, с. 494 ссл.

⁸ D. Graber, *Processing the News*, New York 1984.

это в новую рамку или контекст, отличный от исходного»⁹. В условиях массовой коммуникации, когда передаваемая информация формируется с учетом определенных схем интерпретации, а в структуру сообщений вводятся соответствующие маркеры – когнитивные проводники типа «миропорождающих обстоятельств» (термин И. М. Богуславского) *На холмах Грузии..., У нас в России..., Когда-то, в давние времена..., На улицах Парижа...* и т.п., рефрейминг требует определенных интеллектуальных усилий от адресата, способности соотнесения новых данных с собственной концептуальной системой, отличной от системы отправителя информации. В связи с этим уместно привести пример Г. Бэйтсона, который писал, что если вы бьете по мячу, то можно довольно точно заранее определить направление его полета, но если вы пинаете собаку, гораздо труднее предвидеть дальнейшее развитие событий, потому что собака обладает собственной «дополнительной энергией»¹⁰.

А. П. Павлов обращает внимание на динамический характер паттернов, понимаемых им как «образцы правильности»¹¹. Он ссылается на пример дореволюционной России и СССР, где коллективное (государственное) начало ставилось выше индивидуального, тогда как в первой декаде XXI века этот паттерн утратил свое значение.

Кроме того Павлов различает два типа схем поведения: идеальные, т.е. принятые в некотором сообществе за каноническую норму – «императивы правильного, должного поведения с точки зрения базисных ценностей и норм общества», и релевантные или практические (которые можно было бы также квалифицировать как узуальные или приватные), т.е. такие, которые реально культивируются в практической деятельности индивидов. Исследователь пишет, что в современной России представлены культурные ситуации, в которых «идеальные и практические паттерны не совпадают» (в качестве примера приводятся «неуставные отношения» в армейских подразделениях).

Важно обратить внимание на межкультурный аспект стереотипов. С одной стороны, не вызывает сомнения, что стереотипы идиосинкратичны, т.е. изменчивы как в пространстве, так и во времени. Субкультурная дифференциация внутри общества касается также «образцов правильности», которые культивируются представителями разных полов, поколений, классов, сфер деятельности, политических партий, регионов и т.д. В связи с этим Г. Бэйтсон использовал

⁹ Р. Дилте, *op. cit.*, с. 45.

¹⁰ *Ibidem*, с. 143.

¹¹ А. П. Павлов, *Природа коммуникативного порядка*, <<http://vitos-mf.narod.ru/library/sociology1.htm>>.

– применительно к человеческому обществу – метафору «плавильного котла»: речь идет о культурной гетерогенности каждого исторического среза и смешении, а прежде всего – сосуществовании разных культурных норм¹² (позднее метафору «плавильного котла» заимствовал польский исследователь С. Гайда¹³). С другой стороны, Бэйтсон подчеркивал: «Общество – это организованная единица». Это означает, что отдельные стереотипы или их комплексы не являются взаимно оторванными – они взаимодействуют и частично накладываются друг на друга. Например, Бэйтсон писал о таком взаимном проникновении комплементарных паттернов, культивируемых различными полами: разглядывание/ /демонстрация, доминирование/подчинение, оберегание/зависимость и др. В данном случае мы имеем дело с явлением межкультурной компетенции, т.е. хранения в культурном тезаурусе индивидов и социальных групп собственных и чуждых, альтернативных точек зрения, при этом различие собственного и привнесенного культурного опыта прежде всего состоит, видимо, в том, что одни паттерны считаются активными, релевантными в системе активной социальной деятельности, а другие – пассивными, необходимыми лишь в условиях общения с «другим». По этому поводу Бэйтсон писал:

Я не могу представить, чтобы две различающиеся группы существовали в сообществе бок о бок без какого-либо вида взаимной релевантности между их специфическими характеристиками. Такое происшествие противоречило бы постулату, что сообщество – это организованная единица. [...] Если мы знаем, что индивидум обучен внешнему выражению одной половины какого-либо паттерна (например, доминирующему поведению), мы можем с уверенностью предсказать [...] что в его личности одновременно посеяны семена второй половины – подчинения. [...] Схожие соображения будут направлять нас в ответе на возражение, касающееся экстремальной гетерогенности, подобной той, которая встречается в современных сообществах типа «плавильного котла»¹⁴.

---

¹² Г. Бэйтсон, *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*, Москва 2000, с. 123.

¹³ S. Gajda, *Media – stylowy tygiel współczesnej polszczyzny*, [в:] *Język w mediach masowych*, под ред. J. Bralczyka, K. Mosiołek-Kłosińskiej, Warszawa 2000, с. 19–27.

¹⁴ Г. Бэйтсон, *op. cit.*, с. 124.

2. Стереотип в структуре схем действия/интерпретации

Одной из базовых категорий в структуре схем действия/интерпретации являются стереотипы, понимаемые здесь как устойчивые, т.е. повторяющиеся в пределах определенной социальной группы или в пределах множества состояний определенного лица, представления о предметах, действиях, состояниях, свойствах, событиях и процессах, а также вызываемые ими когнитивные и/или моторные рефлекссы. Психологическая природа стереотипов двояка: с одной стороны, они – если воспользоваться терминами Пиаже¹⁵ – представляют собой явление аккомодации, поскольку в определенной степени обусловлены содержанием воздействия среды на организм (на культурное сообщество). С другой стороны, стереотипы могут быть интерпретированы также с точки зрения процессов психической ассимиляции, т.е. целенаправленным воздействием на среду: это проявляется в том, что, во-первых, стереотипы далеко не всегда соответствуют действительности, носят, скорее, субъективный, оценочный характер, как, например, стереотипное представление о Лодзи как о «некрасивом» городе, с неэстетичной архитектурой, или распространенное в Польше представление о Белостоке как о городе, в котором доминируют правые политические партии¹⁶. Во-вторых, в процессе интерпретации стереотипы – «picture in our head», по образному определению В. Липманна¹⁷ – играют, по отношению к объектам и вообще – по отношению к внешнему миру, доминирующую роль: в какой-то степени они означают приоритет закодированных с сознанием человека представлений (или «ожиданий» и «убеждений», в терминологии нейролингвистического программирования¹⁸) над ощущениями, которые возникают в конкретных коммуникативных ситуациях. Стереотипы, другими словами, помогают нам упорядочить модель мира, а также значительно облегчают нашу ориентацию в ситуативных контекстах, особенно в тех случаях, когда детальный анализ компонентов ситуации и ее внешних связей – как это обычно имеет дело в обыденной коммуникации – не входит в задачу коммуникативных партнеров. В связи с этим можно сослаться на метафору «кратчайшего пути», которая используется в теории культивации для

¹⁵ Ж. Пиаже, *Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология*, Москва 1969.

¹⁶ E. Szkuřlat, *Psychologiczne i kulturowe uwarunkowania percepcji środowiska*, [w:] *Percepcja współczesnej przestrzeni miejskiej*, pod red. M. Madurowicza, Warszawa 2007, с. 68.

¹⁷ W. Lippmann, *Public Opinion*, New York 1922, с. 70.

¹⁸ См.: Р. Дилте, *op. cit.*, с. 112.

объяснения познавательного и социализирующего воздействия СМИ посредством актуализации стереотипов:

[...] Телезрители не задумываются о реальности происходящих на экране событий, но телевизионные образы используются всякий раз при когнитивной оценке социальных вопросов. Зрители, потребляющие большие объемы телевизионной информации, более уверенно отвечают на вопросы. Это говорит о том, что формируется некий когнитивный «кратчайший путь», позволяющий получить быстрый доступ к ответам. [...] Эффект культивации скорее укрепляет взгляды телезрителя, чем изменяет их¹⁹.

Литература о стереотипах огромна²⁰, поэтому здесь я сошлюсь только на системное представление генезиса, характеристик и функций стереотипов в работе Э. Шкурлат²¹, а также – в следующих разделах – выделю несколько аспектов, наиболее существенных с точки зрения межкультурной коммуникации.

3. Стереотипы как когнитивный фольклор

Стереотипы представляют собой, главным образом, категории обыденного поведения, когда детальный анализ происходящих событий не требуется (в отличие, например, от научных или юридических дискурсов) – эту идею ранее высказал Х. Патнэм²². Поэтому для стереотипов, как

¹⁹ Дж. Брайант, С. Томпсон, *Основы воздействия СМИ*, Москва – Санкт-Петербург – Киев 2004, с. 128.

²⁰ С. Г. Воркачев, *Счастье как лингвокультурный концепт*, Москва 2004; В. В. Красных, (ред.) *Русские и «русскость»*. Лингво-культурологические этюды, Москва 2006; А. де Лазари, О. /Рябов, *Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика*, Иваново 2007; А. В. Сергеева, *Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность*, Москва 2004; Ю. С. Степанов, *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*, Москва 2007; Л. А. Шестак, *Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса*, Волгоград 2003; J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, R. Nycz, (eds.), *Punkt widzenia w języku i w kulturze*, Lublin 2004; R. Tokarski, P. Nowak, (eds.), *Kreowanie światów w języku mediów*, Lublin 2007; W. Kajtoch, *Językowe obrazy świata i człowieka*, t. 1–2, Kraków 2008; A. de Lazari, O. Nadska-kuła, M. Żakowska, (eds.), *Zaprogramowanie kulturowe narodów Europy*, Łódź 2007; J. Bartmiński, R. Tokarski, (eds.), *Proflowanie w języku i w tekście*, Lublin 1998; J. Bartmiński, (ed.), *Językowy obraz świata*, Lublin 1999; A. Kiklewicz, *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*, Łask 2007; M. Kita, A. Skudrzyk, *Człowiek i jego świat w słowach i tekstach*, Katowice 2006; A. Żabicka, *Pojęcie jaźni: konceptualizacja i wyrażanie a język*, Kraków 2002 i in.

²¹ E. Szkurłat, op. cit.

²² H. Putnam, *Mind, Language and Reality. Philosophical Papers*, Vol. 2, Cambridge 1975, с. 249.

и вообще для обыденного знания, характерна необязательность верифицирования, а также схематичность, которую польский исследователь Я. Вархаля определяет как «принцип обобщения элементарного жизненного опыта» («zasada generalizacji prostych doswiadczeń życiowych») ²³, в котором можно видеть рудименты дооперациональных представлений, лежащих в основе мышления ребенка (см. далее). Вархаля, например, пишет, что основанные на традиции и (скорее, коммуникативном, чем познавательном) опыте поколений стереотипные утверждения типа:

(1) *Болезни появляются с накоплением грязи в организме*

вполне естественны в обыденной коммуникации, хотя подобного рода «знания» недостаточны с точки зрения профессионального врача или фармацевта. Подобным «убеждениям» целиком посвящена научно-популярная монография Р. Мэтьюса ²⁴, который пишет, что хотя некоторые предубеждения более или менее поддаются научной верификации, ни их возникновение, ни функционирование не опирается на фактическую, закономерную связь явлений и событий – имеет, скорее, аффективный или случайный характер, ср. некоторые примеры:

(2) *Правая стопа более подвержена щекотке, чем левая.*

(3) *Чрезмерная мыслительная деятельность может привести к головной боли.*

(4) *Обычно люди используют только около 10% возможностей своего мозга.*

(5) *Шпинат полезен для здоровья.*

(6) *Количество людей, которые живут на Земле сейчас, больше количества людей, которые жили раньше.*

(7) *Кряканье уток не сопровождается эхом.*

(8) *Большинство животных — «правши».*

(9) *Некоторые люди, когда смотрят на солнце, начинают чихать.*

(10) *Отпечатки пальцев неповторимы.*

(11) *Лампочка будет действовать дольше, если ее реже включать и выключать.*

Здесь необходимо указать на связь между стереотипом и мифом. Конечно, прежде всего бросается в глаза различие этих понятий: миф, в отличие от стереотипа, обычно обладает нарративной, фабульной

²³ J. Warchala, *Kategoria potoczności w języku*, Katowice 2003, с. 35 ссл.

²⁴ R. Matthews, *Pytania z sufitu wzięte i zagadki codzienności*, Gliwice 2005.

структурной. Однако нельзя не видеть и сходств: подобно стереотипу, миф – по определению А. А. Федорова – представляет собой одну из форм культурного сознания, которая состоит в сведении

многообразия объективного мира, знаний и впечатлений о нем к моделям, структурам, ситуациям или мотивам, имеющим предельно обобщенный смысл. [...] Миф существует не просто как древнее сказание, но как универсальная, нерациональная образно-чувственная или художественная форма воплощения общей картины мира. [...] (Выраженные в мифе. – А. К.) начала и смыслы [...] приобретают относительную самостоятельность как устойчивые знаково-семантические комплексы, сквозь которые «отфильтровывается» содержание социокультурного опыта отдельного человека или целой исторической эпохи²⁵.

Хотя мифы многократно репродуцируются в культуре (например, в современной культуре в виде телевизионных сериалов), а стереотипы, скорее, хранятся в латентной форме (см. следующий пункт), однако для обеих форм культурного знания характерна их неверифицируемость, а также их ассертивный характер: по утверждению Федорова, результатом введения «нового материала реальной действительности в сферу культуры», т.е. соотнесения его с традицией, является то, что определенный круг явлений воспринимается людьми как «естественные и неоспоримые»²⁶.

На важность учета мифологической информации при интерпретации текстов культуры указывал Р. Барт. В его коннотативной теории мифа восприятие текстовой информации на уровне первой моделирующей системы, т.е. естественного языка, обязательно сопровождается актуализацией общих концептов культуры, а также точек зрения относительно концептов²⁷. Так, А. В. Сергеева пишет, что одним из стереотипов русского национального сознания является представление о ценности страдания как способа очищения и возвышения человека – этот мотив широко встречается, например, в произведениях Ф. М. Достоевского, а также в фольклоре и в паремиологическом фонде русского языка²⁸, ср.:

(12) *Бедя научит человека мудрости.*

Барт подчеркивал, что между языковым (первичным) смыслом знака и мифологическим концептом существует отношение деформации: миф

²⁵ А. А. Федоров, *Введение в теорию и историю культуры. Словарь*, Москва 2005, с. 190.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Р. Барт, *Избранные работы. Семиотика, поэтика*, Москва 1989, с. 79 ссл.

²⁸ А. В. Сергеева, *Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность*, Москва, 2004, с. 25.

всегда представляет собой определение огрубление той семантической информации, которая лежит в его основе. Здесь мы имеем дело со своего рода фальсификацией объективной картины мира, т.е. со своего рода культурным интерфейсом, который «переиначивает» информацию, поступающую от раздражителей, в соответствии с ранее выработанными программами поведения, т.е. с культурной традицией. Например, интерпретируя обложку журнала «Пари-Матч», на которой изображен молодой африканец во французской военной форме, Барт писал, что мифологическое значение этого текста («величие французской империи») возникает благодаря тому, что многие конкретные элементы передаваемой информации «закрываются в скобки»: «Надо заключить в скобки биографию африканского солдата, если мы хотим освободить образ от его прежнего содержания и подготовить его к приобретению нового означаемого»²⁹.

Характерным примером семантической деформации является античный миф о Прометее – как он был интерпретирован З. Фрейдом в его известной работе «Добывание и покорение огня». Дословный смысл текста отступает на второй план, подчиняется доминирующему мифологическому, «либидозному» содержанию, которое Фрейд интерпретировал так:

В нашем дедуктивном выводе относительно покорения огня также содержалась предпосылка, что для первобытного человека попытка потушить огонь своей собственной водой означала доставляющую наслаждение борьбу с другим фаллосом³⁰.

В теории Фрейда в основе мифа лежат данные непосредственного перцептивного и функционального опыта человека (в частности, имеются в виду две функции мужского полового органа), хотя их отношение к концептуальному содержанию текста настолько условно, схематично, едва уловимо, что и впрямь – уместно сослаться на «заклучение в скобки», о котором пишет Барт.

В случае стереотипа (например: «Немки некрасивые» или «Итальянцы вспыльчивы») присутствие метафоры не обязательно, но и здесь, подобно мифу, в содержании знака господствует схематичность, «зернистость», которая может возникать в результате обобщения по неполной индукции:

²⁹ Р. Барт, *op. cit.*, с. 82.

³⁰ З. Фрейд, *Добывание и покорение огня*, [в:] *Между Эдипом и Озирисом. Становление психоаналитической концепции мифа*, под ред. С. В. Плотникова, Львов 1998, с. 60.

X вспыльчив.
Y вспыльчив.
Z вспыльчив.
X, Y, Z являются итальянцами.

Все итальянцы вспыльчивы.

Деформацией смысла и концепта объясняется другое явление в культуре: демифологизация. Как пишет Федоров, демифологизация в период перехода от античной и средневековой культуры к культуре Нового времени состояла в признании «приоритета практической человеческой деятельности во всех сферах жизни»³¹, т.е. в постепенной маргинализации спекулятивных образцов поведения.

4. Стереотипы и прецедентные контексты

Если в основе стереотипов не лежат адекватные, верифицируемые знания о мире, во всяком случае – они не являются необходимыми и достаточными для возникновения и объяснения стереотипов (А. П. Павлов, кроме того, указывает на практическую «нецелесообразность» некоторых паттернов, например, таких, как дуэль или жертвоприношение), то можно предположить, что природа стереотипов, главным образом, социальная. В теории социологии известна теория спирали молчания немецкой исследовательницы Э. Нёлле-Нойман, которая используется для объяснения механизмов идеологического воздействия СМИ на адресатов. Нёлле-Нойман различала две категории и две функции общественного мнения: во-первых, это – функция манифестации точек зрения, которая в демократическом государстве необходима для все более оптимальной организации политической и административной системы; во-вторых, это – функция социального контроля, которая обычно реализуется имплицитно, с опорой на закодированные в памяти членов сообщества стереотипы, верований, предубеждений, мифов и т.д.³²

Спираль молчания означает, что члены сообщества, ссылаясь на достоверные с их точки зрения СМИ, чаще всего – телевидение, убеждены, что одни идеи заслуживают большего внимания и одобрения, чем другие. Человек склонен к тому, чтобы занять конформистскую позицию,

---

³¹ А. А. Федоров, *op. cit.*

³² E. Noelle-Neumann, *Manifeste und latente Funktion Öffentlicher Meinung*, „Publizistik“, nr 37, с. 284 ссл.

т.е. разделять большинство убеждений, принятых в его социальном окружении – это гарантирует человеку позитивный общественный статус. Напротив, неприятие стереотипных убеждений грозит общественной изоляцией, «молчанием», которое становится тем более неизбежным, чем более сильную медиальную огласку получают избранные, канонические идеи, обычно – элементы официальной идеологии (например, прежде всего влиянием телевидения объясняется победа социал-демократической партии на парламентских выборах в ФРГ в 1976 году).

Главная идея теории спирали молчания состоит в том, что доминирующие убеждения в обществе не возникают благодаря их фактической обоснованности – репрезентативности, или благодаря тому, что их сторонники составляют большинство. Главной причиной распространения идей считается их культивирование в СМИ. Эффект спирали молчания, как пишет М. Филипьяк, состоит в том, что идеи, которые «раскручиваются» в СМИ, завоевывают все новых сторонников, тогда как носители альтернативных точек зрения все больше «погружаются» в молчание³³. Таким образом, альтернатива социального поведения, согласно Нёлле-Нойман, состоит в том, что человек, если он не хочет оказаться в изоляции, либо принимает точку зрения, представленную в массовой коммуникации, либо «замолкает». Здесь, может быть, будет уместным привести высказывание Николая Лескова: «Не сами ли вы говорили, что, чтобы угодить на общий вкус, надо себя „безобразить“. Согласитесь, это очень большая жертва, для которой нужно своего рода геройство».

В связи с эффектом спирали молчания можно ввести понятие прецедентного коммуникативного контекста: речь идет о таких коммуникативных ситуациях (обычно с участием СМИ), в которых актуализируются определенные представления о мире и убеждения членов некоторой культурно маркированной социальной группы. Не столько важно, верны ли эти представления, адекватны ли по отношению к действительности, сколько важно, что они получили отражение в массовой коммуникации – в текстах журналистики, в фильме, в литературе, и устойчиво ассоциируются с некоторой схемой (или некоторыми схемами) интерпретации. Часто таким прецедентным контекстом является информационная кампания в СМИ. Например, благодаря целенаправленному воздействию СМИ война в Персидском заливе 2003 года была воспринята большинством населения США и Западной Европы как необходимая мера в борьбе с международным

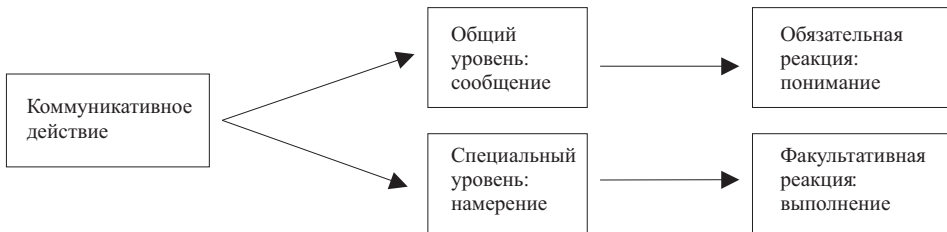
---

³³ M. Filipiak, *Homo communicans. Wprowadzenie do teorii masowego komunikowania*, Lublin 2003, с. 81.

терроризмом, в частности, с движением «Аль-Каида», а также как акция с целью поиска и уничтожения оружия массового поражения, хотя, скорее всего, одной из целей вторжения было получение контроля над иракской нефтью.

5. Семантическая vs. прагматическая функция стереотипа

Для объяснения функционирования стереотипов в межкультурной коммуникации важно различать уровни понимания текстов. В литературе встречается значительное многообразие трактовок уровней понимания³⁴. Отвлекаясь от деталей, можно выделить уровень восприятия семантической информации – многообразных форм отношений текста с миром, и уровень восприятия прагматической информации – многообразных форм отношения текста к социальной среде (как они понимаются в системной концепции немецким лингвистом Х. Штронером³⁵). Подобным образом другой немецкий исследователь Р. Буркарт различает два уровня коммуникативной деятельности: общий и специальный. На общем уровне передается семантическая, другими словами – «идеационная», информация – о положениях вещей, тогда как на специальном уровне – информация о реализованном в акте речи намерении говорящего³⁶.

Некоторые исследователи, сторонники прагмацентризма, следуя предложенному Л. Витгенштейном пониманию «значения как употребления», даже считают, что коммуникативный эффект подчиняет

³⁴ См.: А. Киклевич, *Притяжение языка*, Том 1: *Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика*, Olsztyn 2007, с. 241 ссл.

³⁵ Н. Strohner, *Textverstehen. Kognitive und kommunikative Grundlagen der Sprachverarbeitung*, Opladen 1990, с. 132 ссл. См. также: Н. В. Видинеев, *Природа интеллектуальных возможностей человека*, Москва 1989, с. 92.

³⁶ R. Burkart, *Kommunikationswissenschaft. Grundlagen und Problemfelder. Umriss einer interdisziplinären Sozialwissenschaft*, Wien – Köln – Weimar 1995, с. 27.

себе все содержание высказывания. Так, Р. Дилтс пишет: «Значением информации для адресата является реакция, вызываемая этой информацией у адресата, независимо от намерения, которое было у сообщавшего эту информацию»³⁷. Такой подход следует, однако оценить как крайний, радикально функциональный, эгоцентрический. Здесь налицо присутствие наивного реализма детского мышления, о котором писал Ж. Пиаже: он выражается в том, что «ребенок не учитывает в оценке поступка внутреннее намерение и судит о поступке только по внешнему эффекту, по материальному результату»³⁸.

Стереотипы в социальной коммуникации играют двоякую роль: они имеют отношение к интерпретации как семантической, так и прагматической информации. В семантическом аспекте важно обратить внимание на явление инференции, которая в процедурной теории Т. А. ван Дейка и В. Кинча рассматривается как способ семантической интерпретации некомпозиционного текста, т.е. такого, в котором отсутствуют некоторые показатели семантической связности³⁹. Инференция заключается в актуализации внеязыковых знаний речевых субъектов, обычно – хранящихся в форме стереотипных пропозициональных установок. Ср. несколько таких стереотипов, распространенных в русском обществе:

(13)

Поляки вечно жалуются.

Поляки любят алкоголь.

Поляки не любят чужих и полны антисемитизма.

Какой русский не любит быстрой езды.

Русские не сдаются.

Умом Россию не понять.

Семантическая, а именно – эпистемическая и связанная с ней интегрирующая функция стереотипов и мифов заключается в том, что они в обобщенной форме представляют информацию о мире. В связи с этим Федоров пишет о критике западноевропейской культуры в работах Ф. Ницше: немецкий философ считал, что западноевропейское общество перестало воспринимать мир в его полноте и всеобщности, поэтому «в будущем основой культуры, как в древности, должна стать мифология»⁴⁰. Русский автор пишет:

³⁷ Р. Дилтс, *op. cit.*, с. 85.

³⁸ Л. Ф. Обухова, *op. cit.*, с. 27.

³⁹ Т. А. van Dijk, W. Kintsch, *Strategies of Discourse Comprehension*, New York – London 1983.

⁴⁰ А. А. Федоров, *op. cit.*, с. 191.

Одной из всеобщих предпосылок усиления процессов мифологизации является потребность современного человека в осмыслении и упорядочении (кодификации) многочисленных потоков разнородной информации и восстановлении единства мира [...] ⁴¹

Семантической информацией, однако, речевое взаимодействие не исчерпывается – обычно важную роль играет также прагматическая информация. Хотя обычно в интерпретация прагматического намерения отправителя сообщения опирается на интерпретацию его смысла, в речевой коммуникации нередки также ситуации, когда понимание на семантическом уровне оказывается менее значимым, чем понимание на прагматическом уровне, т.е. распознавание коммуникативного намерения партнера. Такой характер имеют многие пословицы и поговорки, а также другие «ритуализмы», которым в естественных условиях речевой коммуникации нередко трудно приписать конкретный номинативный смысл, но которые легко интерпретируются с точки зрения реализации определенных социальных и ситуативных отношений между речевыми партнерами. Например, приводимая В. Далем русская пословица

(14) *Не быть курице петухом, не быть бабе мужиком*

употребляется в ситуации, когда говорящий (возможно, слушающий также) осознает, что реализация некоторого действия не может закончиться успехом, поскольку существуют ограничения в достижении целей. Относительно точная и полная экспликация семантических компонентов, из которых складывается номинативное содержание данной пословицы, требовала бы от говорящего определенной лингвистической компетенции, определенного навыка, специальной интерпретирующей установки, тогда как прагматическая функция высказывания более или менее очевидна: это – отрицательная оценка лица или же некоторого намерения. Ср. лингвистическую интерпретацию данного выражения:

(15) *Не быть курице петухом, не быть бабе мужиком*

- а) *x* намерен осуществить *S*
- б) говорящий считает, что *x* не может осуществить *S*, потому что
- в) *x* не способен осуществить *S*
- г) говорящий считает, что существуют ограничения в достижении целей

⁴¹ Ibidem. Подобную точку зрения высказывал известный польский философ Л. Колаковский, см.: L. Kołakowski, *Obecność mitu*, Wrocław 1994, с. 10.

- д) говорящий отрицательно оценивает то, что x намерен осуществить S и одновременно не способен осуществить S
- е) говорящий не советовал бы x -у предпринимать попытку осуществления S

Для сравнения приведу несколько других примеров русских пословиц, которые подтверждают определенное выше правило: коммуникативные условия употребления паремии более очевидны, доступны интерпретирующему субъекту, нежели их прямое языковое значение:

ПОСЛОВИЦА	СИТУАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ	РЕЧЕВОЙ АКТ
<i>Пришла смерть на бабу, не указывай на деда</i>	x намерен уклониться от осуществления S ; говорящий считает неоправданным то, что x намерен уклониться от осуществления S	отрицательная оценка, порицание + побуждение к действию
<i>Баба с возу – кобыле легче</i>	x намерен уклониться от осуществления S ; говорящий считает, что участие или неучастие x -а не повлияет на осуществление S ; говорящий не сожалеет, что x уклоняется от осуществления S	выражение суждения + позволение + положительная оценка
<i>Скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом</i>	вопреки своему намерению x не способен повлиять на осуществление S ; говорящий неодобрительно относится к тому, что x пытается повлиять на осуществление S	выражение суждения + отрицательная оценка + совет отказаться от участия в ситуации
<i>Деньги да живот, так и баба живет</i>	обстоятельства складываются удачно для x -а; говорящий считает, что вклад x -а в то, чего x достиг, минимален; говорящий считает, что x без оснований кичится своими успехами	выражение суждения + отрицательная оценка + совет отказаться от участия в ситуации

Рассмотрим другой пример – из романа Достоевского «Бесы»: в сцене праздника прочитанное Липутиным политическое стихотворение имело конкретную прагматическую цель – критику политического режима, было направлено против конкретных чиновников, публика же восприняла текст, скорее, дословно – с опорой на его внутреннюю форму. Но и в этом случае декодирование интенции говорящего, интерпретация «побудительного аспекта коммуникативной деятельности» (в терминологии Бэйтсона, см. далее) исключительно важна: как пишет Достоевский, многие зрители «приняли всю выходку патетически [...] за стишки с направлением» (разрядка моя. – А. К.).

Характерное свойство концептов, а особенно стереотипов и мифов – слабая выраженность их идеологического (т.е. сверхфразового) содержания, которое чаще всего лишь подразумевается, а иногда и вообще не имеет никаких реальных границ, как, например, в случае коанов – культивируемых в буддистской культуре дзэн коротких повествований, обычно не имеющих логической структуры, содержащих алогизмы и парадоксы,

доступные лишь интуитивному пониманию (в какой-то степени европейским аналогом коана может служить христианская притча), ср. в качестве примера текст под названием «Истинное преображение»:

(16)

Рёнан посвятил свою жизнь изучению Дзен. Однажды он услышал, что его племянник, несмотря на увещевания родственников, тратит деньги на куртизанок. Поскольку племянник занял место Рёнана в управлении семейным имуществом и благосостояние семьи оказалось в опасности, родственники обратились к Рёнану с просьбой что-то предпринять. Рёнан отправился в долгий путь, чтобы навестить племянника, которого он не видел много лет. Казалось, племянник рад был снова увидеть дядю и пригласил его остаться переночевать. Всю ночь Рёнан сидел в медитации. Когда утром он собрался уехать, он сказал юноше: «Я уже стар, руки мои дрожат. Не сможешь ли ты завязать мне шнурки на сандалиях?» Племянник охотно помог ему. «Спасибо, – сказал Рёнан. – Ты видишь, человек стареет и слабеет день ото дня. Береги себя.» И Рёнан уехал, ни слова не упомянув о куртизанках или жалобах родственников. Но с этого дня племянник прекратил беспутную и расточительную жизнь⁴².

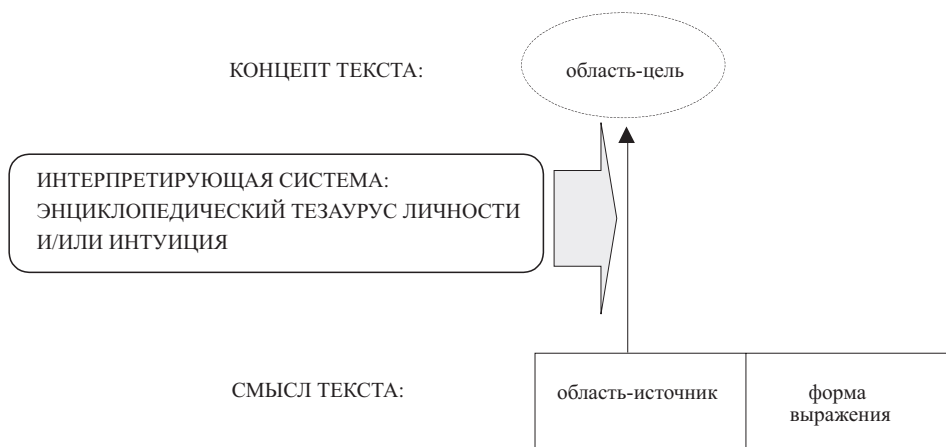
Преимущественно латентный характер культивирования мифологического смысла обуславливает его размытость, диффузность, о чем (применительно к концепту) писал, например, Барт: «Концепт [...] представляет собой нечто вроде туманности, более или менее расплывчатого сгустка представлений»⁴³. В системе культурной коммуникации, т.е. посредством реально функционирующих текстов, данными в восприятии объектами являются (если воспользоваться терминологией Барта) языковые смыслы, закодированные на уровне первичной знаковой системы. Эти смыслы представляют собой своего рода исходную понятийную область („source domain”), которая получает в коммуникативном процессе реальную формальную манифестацию – например, в форме языковых знаков и цепочек знаков. Что же касается сверхфразового смысла, то он представляет собой своего рода целевую понятий область („target domain”), которая не может быть интерпретирована в непосредственном наблюдении – участник

⁴² Исследователи считают, что благодаря использованию алогизмов и парадоксов учителя дзэн создавали комический эффект речевого воздействия, желая посмеяться, позабавиться над своими подопечными. Например, в одном коане говорится о том, как монах Вакуан, глядя на портрет бородатого Бодхидхармы, выражал недовольство, задавая такой нелепый вопрос: «Почему этот человек без бороды?». См.: А. С. Майданов, *Коаны чань-буддизма как парадоксы*, <<http://ec-dejavu.net/c-2/Coan.html>>.

⁴³ Р. Барт, *op. cit.*, с. 87.

информационного обмена может получить доступ к ее содержанию либо на основании актуализации более широко фонда своих знаний о мире, либо благодаря интуиции. Это означает, что абстрактный смысл стереотипа/мифа выступает, скорее, как размытое семантическое пятно, т.е. множество семантических, не всегда отчетливых интерпретаций. См. схематическое представление этого отношения:

В связи с этим возникает вопрос об эпистемической природе стереотипов и мифов: можно ли приписывать им статус правдивых сообщений? Здесь можно сослаться на фундаментальное замечание Р. Декарта, которое приводит Д. Кемпер:

Все вещи, понимаемые нами вполне ясно (*clairement*) и отчетливо (*distinctement*) – истинны. Однако некоторая трудность заключается в правильном различении того, что именно мы способны представлять себе вполне отчетливо⁴⁴.

Провозглашенное философией Нового времени требование интуитивной очевидности не дает нам достаточных оснований для утверждения об истинности стереотипов, вследствие того, что, как было уже указано, стереотипы в своем большинстве латентны. Поэтому вместо логической интерпретации типа *Правда, что S* здесь следует использовать более широкую эпистемическую интерпретацию: *Мне известно / я думаю, что все считают, что S, поэтому я также склонен считать, что S*.

⁴⁴ Цит. по: Д. Кемпер, *Гёте и проблема индивидуальности в эпохе культуры модерна*, Москва 2009, с. 13.

Разграничение понимания на семантическом и на прагматическом уровне необходимо потому, что здесь проявляется определенное разделение функций языкового кода и фонда фоновых знаний (включающего набор стереотипов), который в речевой деятельности взаимодействует с языковым кодом. Языковая компетенция, главным образом, необходима для передачи и интерпретации семантической информации – Бэйтсон квалифицировал это как «описательный аспект коммуникации». Все дополнительные, невербальные коды, включая систему стереотипов, служат для реализации того, что Бэйтсон квалифицировал как «побудительный аспект коммуникации»⁴⁵. Исследователи коммуникации считают, что собственно языковые категории слабо приспособлены к непосредственному выражению социальных отношений – для этого используются другие категории знаков – прежде всего так называемые аналоговые:

[...] Отношения лишь иногда определяются полностью осознанно. На самом деле, чем более спонтанны и «здоровы» отношения, тем более аспект отношений (в содержании речевой коммуникации. – А. К.) отходит на второй план. Напротив, «нездоровые» отношения характеризуются тем, что за природу отношений идет постоянная борьба, а содержательный аспект коммуникации становится все менее и менее важным⁴⁶.

Стереотипы в речевой коммуникации выполняют, главным образом, социализирующую и коррелятивную функцию, т.е. представляют собой фон, на котором генерируется и интерпретируется прагматическая информация. Учет стереотипов в межкультурной коммуникации позволяет определить стратегию поведения таким образом, чтобы она в максимальной степени соответствовала задачам говорящего, задачам адресата или задачам третьего лица. Как показывают наблюдения над коммуникативными интеракциями в паре «опекун (врач, медсестра, санитар) – пациент», работники медицинских клиник склонны считать, что чрезвычайные обстоятельства, в которых оказались их клиенты (особенно некоторые группы пациентов, как, например, старики), обуславливают состояние их дискомфорта и даже тревоги⁴⁷. Это стереотипное убеждение существенным образом организует всю систему (в том числе и речевого)

---

⁴⁵ См.: П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон, *Аксиомы теории коммуникации*, [в:] *Межличностное общение*, под ред. Н. В. Казариновой, В. М. Погольши, Санкт-Петербург – Москва – Харьков – Минск 2001, с. 14.

⁴⁶ *Ibidem*, с. 15.

⁴⁷ А. Маас, Л. Арчур, *Język a stereotypizacja*, [в:] *Stereotypy i uprzedzenia*, под ред. С. N. Macrae, Ch. Stangor, M. Hewstone, Gdańsk 1999, с. 161–188.

поведения персонала по отношению к больным. Исследователи открыли, что характер речевых действий медперсонала и волонтеров по отношению к больным и по отношению к себе значительно различается: обращаясь к пациентам, особенно – к людям старшего возраста, они употребляют большее количество вопросов и повторений, чем в разговорах с коллегами, дополнительно используют специфическую интонацию и «сюсюканье» – характерный элемент обращения к ребенку. Такой способ коммуникации, по (иногда бессознательному) убеждению медперсонала, выполняет определенную терапевтическую функцию, с учетом стереотипного представления о психическом состоянии пациентов – наиболее эффективен.

Содержание стереотипов обычно не эксплицируется и не обсуждается, оно редко становится предметом информационного обмена. Поэтому идентификация стереотипа в процессе интеракции (в том числе и межкультурной) осуществляется на основе опосредующих факторов, в первую очередь – обусловленных стереотипом (выводимых из стереотипа) коммуникативных практик. Так, герой рассказа Василия Шукшина «Живет такой парень» водитель-механик второго класса Пашка Колокольников, добываясь взаимности сельской библиотекарши Насти, интуитивно выбирает схему действия, которая, с его точки зрения, т.е. с учетом усвоенных им стереотипов, сулит ему успех: сначала Пашка врет, что он – москвич, а когда на сцене появляется настоящий москвич – инженер Гена, Настин жених, пытается играть роль интеллектуала.

(17)

На следующий день к вечеру Пашка нарядился пуще прежнего. Попросил у Прохорова вышитую рубаху, надел свои диагоналевые галифе, бостоновый пиджак – и появился такой в сельской библиотеке. [...]

– Здравствуйте! – солидно сказал он, входя в просторную избу, служившую и библиотекой, и читальней.

Настя улыбнулась ему, как старому знакомому.

У стола сидел молодой человек интеллигентного вида, листал «Огонек».

Пашка начал спокойно рассматривать книги, на Настю – ноль внимания. Он сообразил, что парень с «Огоньком» и есть тот самый инженер, жених.

– Хочешь почитать что-нибудь? – спросила Настя, несколько удивленная поведением Пашки.

– Да, надо, знаете...

– Что хотите? – Настя тоже невольно перешла на «вы».

– «Капитал» Карл Маркса. Я там одну главу не дочитал...

Официальный (идеальный, в терминологии Павлова) стереотип «образованного человека» (например: «Образованный человек идеален во всех отношениях») в поведении Пашки контрастирует с более естественным для шофера-механика второго разряда, массовым («релевантным», согласно немецкому социологу А. Шюцу) негативным стереотипом интеллигента (ср. такие, приводимые Б. Ю. Норманом характеристики, как «рассеянный и непрактичный человек», «сутулый очкарик с впалой грудью», «книжный червь», «фанатик-буквояд»⁴⁸). Пашка пытается совместить в себе несовместимое, но дело в другом: ни первое, ни второе убеждение в развернутой, вербализированной форме нигде в рассказе не появляется – стереотип представляет собой, скорее, размытый, «мерцающий» образ, интуитивное предпочтение одного направления развития событий другому. В определенной степени стереотип оказывается понятием того же ряда, что и символ: оба относятся к области архетипов, т.е. коллективных, бессознательных категорий познавательной деятельности человека, имеющих «общечеловеческое основание» и «не формирующихся на базе индивидуального опыта»⁴⁹.

Размытый, неявный характер большинства стереотипов нередко становится причиной их реинтерпретации, когда установки отправителя информации переосмысливаются коммуникативным партнером с учетом его собственных схем презентации. Так, Р. Дилтс приводит историю об осажденном иноземцами замке⁵⁰. Когда припасы съестного у обороняющихся подошли к концу, они решили продемонстрировать свое мужество: катапультировали остатки продуктов на головы осаждающих. Увидев пищу, пришельцы решили, что люди в замке, обладая изобилием продуктов, дразнят солдат. Осада была прекращена, а иноземцы отступили.

6. Стереотипы и эгоцентризм

Обращение к научному наследию Ж. Пиаже в начале статьи не случайно: выдающийся швейцарский психолог писал о постепенном формировании схем поведения в сознании ребенка. В психологии известно, что в возрасте 7 лет ребенок еще не обладает способностями полноценного «формального» мышления – информация обрабатывается, главным

---

⁴⁸ Б. Ю. Норман, *Лингвистика и юмор*, в: *Лингвисты шутят*, под ред. А. Киклевича, München 2000, с. 5. См. также: А. Грудинкин, *Ущербен ли образованный человек?* <http://www.znanie-sila.ru/online/issue_1268.html>.

⁴⁹ А. А. Грицанов (ред.), *Новейший философский словарь*, Минск 2003, с. 66.

⁵⁰ Р. Дилтс, *op. cit.*, с. 85.

образом, с помощью образов, т.е. на уровне дооперациональных представлений⁵¹. Как известно, для описания детской психологии Пиаже ввел понятие реализма, который заключается в том, что в большинстве случаев ребенок представляет предметы так, как воспринимает их в данный момент, не учитывая внутренних отношений между вещами. Другими словами, как пишет Л. Ф. Обухова, «дети до определенного возраста не умеют различать субъективный и внешний мир»⁵², поэтому знаки воспринимаются ими как элементы называемых предметов. Наивный реализм непосредственно связан с эгоцентрической позицией ребенка: «до определенного возраста ребенок не может встать другую, чужую точку зрения»⁵³. Напротив,

социализация – это процесс адаптации к социальной среде, состоящий в том, что ребенок, достигнув определенного уровня развития, становится способным к сотрудничеству с другими людьми благодаря разделению и координации своей точки зрения и точек зрения других людей⁵⁴.

Эгоцентризм ребенка заслуживает здесь внимания потому, что подобное явление наблюдается в межкультурной коммуникации. Во-первых, эгоцентризм в этом случае проявляется в абсолютизировании собственных убеждений и точек зрения и, напротив, в игнорировании партнера (хотя это не исключает также других межкультурных ситуаций, о которых речь пойдет далее). Здесь, как и в случае детской психики, участник речевой интеракции не хочет стать на чужую точку зрения, как, например, герой рассказа Шукшина «Срезал» Глеб Капустин – сельский житель, рабочий пиломатериалов, цель которого – в споре с приехавшим из города интеллигентом – состоит в одном: продемонстрировать превосходство деревенского образа жизни и деревенского образа мышления (типа знания) над городским.

Во-вторых, если у ребенка эгоцентризм имеет, преимущественно, дейктический характер, что проявляется в доминировании окказиональных точек зрения в интерпретации фактов, то в ситуациях межкультурной коммуникации взрослых реализуется феномен культивации, т.е. экстраполяции имеющихся в распоряжении субъекта схем интерпретации на всю сферу его практического опыта, в том числе и конкретной ситуации, в которой он участвует. Стратегия поведения заключается при этом в концептуализации действительности в соответствии с имеющимся

⁵¹ Ж. Пиаже, *op. cit.* См. также: P. Winterhoff-Spurk, *Psychologia mediów*, Kraków 2007, с. 95.

⁵² Л. Ф. Обухова, *op. cit.*, с. 27.

⁵³ *Ibidem*, с. 35.

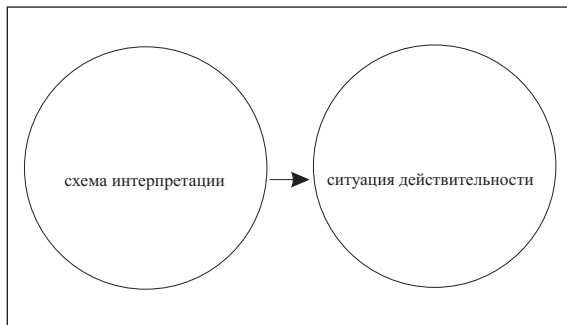
⁵⁴ *Ibidem*, с. 39.

арсеналом стереотипов. Приобретенная в коммуникативной практике символическая, состоящая из «конструктов» (понимаемых в духе Н. Люмана) действительность подчиняет себе реальные факты. Если в детском реализме знаки выступают как элементы предметов (именно поэтому ребенок верит, что, воздействуя на знак, он воздействует также на предмет, что, впрочем, является общим принципом языковой магии), то в культивировании стереотипов, напротив, схемы интерпретации существуют как бы независимо от ситуаций действительности, во всяком случае ситуации рассматриваются как своего рода приложения к схемам: предметы, события, состояния, процессы верифицируются с точки зрения того, соответствуют ли они социальной или индивидуальной системе убеждений.

Рис. 1. Отношение между знаком и предметом в условиях наивного реализма

Рис. 2. Отношение между схемой интерпретации и ситуацией действительности в условиях культивации

В коммуникативном поведении, основанном на культурных и субкультурных стереотипах, можно различать два типа эгоцентризма: 1) экстенсивный, т.е. основывающийся на абсолютном культивировании собственной точки зрения; 2) интенсивный, т.е. основывающийся на пользе, которую субъект извлекает для себя из культивирования точки зрения партнера.

В первом случае мы имеем дело со своего рода интеллектуальной пассивностью и консерватизмом субъекта, который устойчиво придерживается ранее сформировавшихся убеждений. Его социальная позиция (в конкретной коммуникативной ситуации) настолько сильна, что он не считает целесообразным вообще учитывать точку зрения партнера, прислушиваться к ней. Ср. характерную позицию «деда», героя рассказа Шукшина «Критики»:

(18)

– [дед] *Мы вон, помню...*

– [внук Петька] *Опять «мы, мы». Сейчас же люди-то другие стали!*

– [дед] *Чего это они другие-то стали? Всегда люди одинаковые.*

Так ведет себя и другой герой Шукшина – уже упомянутый деревенский «энциклопедист» Глеб Капустин. В диалоге с «кандидатом», представителем городской культуры, он как бы не замечает собеседника: Глебу безразлично, является ли тот филологом или философом, от одной темы (невесомости) он, не слушая «кандидата», неожиданно переходит к другой (к «проблеме шаманизма в отдельных районах Севера»). Такая коммуникативная стратегия вообще характерна для определенной формы спора, когда изначально ставится задача «низвержения» противника.

В случае интенсивного эгоцентризма речевой субъект формально действует согласно схемам партнера, но, во-первых, это проявляется лишь на поверхностном уровне, т.е. в виде имитации определенных форм поведения, в том числе, и языковых формул. Так, Пашка Колокольников в упомянутом рассказе Шукшина лишь имитирует схему поведения городского жителя, «образованного человека»: с этой целью он направляется в библиотеку и заказывает «Капитал» («Я там одну главу не дочитал...»), хотя тут же признается, что никогда не читал Маркса (Пашка: «Люблю смешные журналы. Особенно про алкоголиков. Так разрисуют подчас...»). В разговоре с незнакомой молодой женщиной Пашка начинает говорить «по-французски»:

(19)

Некоторое время ехали молча. Женщина поглядывала по сторонам.

Пашка глянул на нее пару раз и спросил:

– *По-французски не говорите?*

– *Нет, а что?*

– *Так, поболтали бы... – Пашка закурил.*

– *А вы что, говорите по-французски?*

– *Манжерокинг!*

– *Что это?*

– *Значит, говорю.*

Женщина смотрела на него широко открытыми глазами.

– *Как будет по-французски «женщина»?*

Пашка снисходительно улыбнулся.

– *Это – смотря какая женщина. Есть – женщина, а есть – элементарная баба.*

Женщина засмеялась.

– *Не знаете вы французский.*

- Я?
- Да, вы.
- Вы думаете, что вы говорите?

Манерность поведения, его подражательный характер является важнейшим средством коммуникативной манипуляции, т.е. воздействия на партнера с целью получения каких-либо выгод, при этом отсутствует манифестация цели и средств ее достижения (особенно это очевидно в сцене «танцев», где Пашка играет образ городского «плейбоя»).

Кроме рассмотренных выше ситуаций доминирования существует также третий тип межкультурных интеракций, в основе которого лежит кооперация точек зрения: инициатор интеракции, а иногда и его коммуникативный партнер ищет такую конфигурацию точек зрения, которая была бы выгодна обоим коммуникантам. Одним из проявлений такой коммуникативной установки является определение причинно-следственных связей в диалоге, разного рода контактоустанавливающие (в понимании Р. Якобсона) и бехабитивные (в понимании Дж. Остина) апелляции (по крайней мере) одного из коммуникативных партнеров. Так в рассказе Шукшина «Критики» ведут себя городские жители – Петькина тетья и ее муж – по отношению к категоричному деду (деревенскому жителю):

(20)

[сцена у телевизора] *Вот, значит, сидят все, смотрят. [...] Дед остановился за всеми, посмотрел минут пять на телевизорную мельтеешню и заявил:*

– Хреновина. Так не бывает. [...]

– Нет, это любопытно, – сказал городской вежливый мужчина. – Почему так не бывает, дедушка? [...]

Дед презрительно посмотрел на него:

– Вот так и не бывает. Ты вот смотришь и думаешь, что он правда плотник, а я, когда глянул, сразу вижу: никакой он не плотник. Он даже топор правильно держать не умеет. [...]

– Любопытно, – опять заговорил городской. – А почему вы решили, что он топор неправильно держит?

– Да потому, что я сам всю жизнь плотничал. «Почему решили?»

– Дедушка, — встряла в разговор Петькина тетья, – а разве в этом дело? [...]

Они были очень умные и все знали – Петькина тетья и ее муж. Они улыбались, когда разговаривали с дедом. Деда это обозлило.

– Тебе не важно, а мне важно, – отрезал он, – Тебя им надуть – пара пустяков, а меня не надуют.

7. Заключение

В данной статье рассмотрено понятие стереотипа — в аспекте взаимодействия участников межкультурной коммуникации. Стереотипы представляют собой фундаментальные категории схем поведения и схем интерпретации опытных данных. В социальной коммуникации, особенно в интеракциях с участием представителей разных культур или субкультур, обычно проявляется моделирующая функция стереотипа, т.е. его способность программировать поведение субъекта, его семантическую интерпретацию передаваемой и получаемой информации.

Для объяснения ситуации возникновения и распространения стереотипов было введено понятие прецедентных коммуникативных контекстов, которое непосредственно связано с явлением «media relations», как оно описывается в теории спирали молчания.

Функционирование стереотипов, главным образом, затрагивает прагматическую сферу речевой коммуникации, т.е. касается интерпретации интенционального («побудительного», в интерпретации Г. Бэйтсона) аспекта коммуникативной деятельности.

Коммуникативный эгоцентризм в ситуациях межкультурного общения находит отражение, во-первых, в экстраполяции собственных схем интерпретации, во-вторых, в явлении культивирования паттернов коммуникативного партнера с целью манипуляции.

The Role of the Stereotypes in the Intercultural Communication

The author ponders over such an issue as functioning of stereotypes in cross-cultural communication. Stereotype is defined here as a constant and recurring image of objects, actions, states, qualities, events and processes, within the limits of a particular social group or in the area of human activity. This definition also encompasses motor and/or cognitive (intellectual) reflexes which are conditioned on the image mentioned. The author presents the problem of stereotypes in the light of cultivation theory and the spiral of silence theory, as well as from the perspective of conceptualisation theory: stereotypes are placed on an indirect and basic level of conceptualisation which is typical of common human activities. A special part in the article is occupied by a notion of behaviour egocentrism in cross-cultural communication. The author distinguishes three types of cross-cultural situations: under conditions of subjects' egocentrism, strong subjects' egocentrism, and cooperation among subjects.

